

Следуя традициям

Второй год подряд в Санкт-Петербурге встречаются представители студенческих научных обществ (СНО) из разных вузов города. Так совпало, что 15 марта, в день рождения нобелевского лауреата, выпускника ЛЭТИ Жореса Алферова, в нашем университете состоялась конференция «Студенческие научные общества: современное состояние и перспективы развития». На ней с докладами выступили студенты, аспиранты и преподаватели ИТМО, СПбГУ, РГПУ имени А.И. Герцена, Университета кино и телевидения и многих других учебных заведений.

В этом году конференция основной целью ставила обмен опытом между студенческими обществами разных направлений в науке, а также поиск решений в такой проблеме, как падение популярности студенческих научных обществ в последнее время. Но ведь у СНО есть своя замечательная история — организации существовали и действовали не только в пределах одного вуза, но и на межрегиональном, и даже международном уровнях.

На пленарном заседании конференции докладчики предлагали способы привлечения молодых людей в СНО, агитируя собравшихся на собственных примерах. Интересен доклад студенток факультета журналистики СПбГУ, где была разработана целая PR-кампания, в которой приняли участие студенты, преподаватели и некоторые известные деятели СМИ. А вот Таможенная академия предложила совсем другой подход — начисление бонусных баллов (в рейтинговой системе оценки знаний) за любую научную деятельность.

После пленарного заседания состоялись круглые столы, на которых участники могли обсудить интересующие их темы, попробовать найти решения существующих в СНО проблем. Помимо главной из них — падение престижа — говорили также об экономической обоснованности научной деятельности студентов, о существующих моделях организации СНО и взаимодействии научных обществ из различных сфер. В ходе одного из круглых столов была подана идея создания единого информационного пространства для членов СНО, что существенно облегчило бы взаимное сотрудничество и, разумеется, коммуникацию. С уверенностью можно сказать, что прошедший форум внёс немалый вклад в развитие СНО в вузах Санкт-Петербурга, и в частности в нашем университете. В планах у студентов — развитие сотрудничества с Москвой и другими городами страны.

Организатор и идейный вдохновитель мероприятия аспирант ЛЭТИ Сергей Гончаров полагает, что наш университет мог бы стать центром реализации нового проекта. Идея его в том, что студенческие организации (СНО) разных вузов смогут объединяться для решения общих научных задач. Академическая мобильность студентов и аспирантов при этом повысится, а это полностью соответствует условиям присоединения российских вузов к Болонскому процессу.

Полина ИВАНОВА

IEEE в ЛЭТИ

ЛЭТИ является одним из лучших вузов Санкт-Петербурга. От других учреждений высшего технического образования его выгодно отличают как учебные, так и научные достижения и инновации. Совсем неудивительно, что наш университет первым в Санкт-Петербурге открыл отделение IEEE и наладил тесные научно-социальные связи с этой всемирно известной организацией. К сожалению, в России IEEE знакома только тем специалистам, которые уже давно занимаются разработкой, отладкой и внедрением новых технологий. А между тем IEEE является одной из старейших международных профессиональных организаций, которая объединяет более 375000 специалистов из 160 стран, работающих в области электронной промышленности, телекоммуникаций, компьютерных приложений, бытовой электроники и многих других прикладных дисциплинах.

Основные функции этой организации, прежде всего, научные — разработка стандартов, обсуждение и исследование новых технологий, организация конференций и издание научной литературы. Но этим она не ограничивается, например, для студентов организуются как многочисленные научные конкурсы и конференции, так и вечеринки, походы в музеи, театры, на выставки.

Окончание на стр. 4

Путёвка в жизнь

«Я думал — вы сачок»

В Ленинградском Электротехническом институте, где я учился, была прекрасная военно-морская кафедра. Там работало много людей, прошедших войну. Нам прививали особое чувство — этакую «морскую косточку», — гордость за то, что мы военно-морские инженеры, пусть и запаса.

Самым замечательным преподавателем был капитан 3-го ранга Гаврила Александрович Румянцев. Вот уж кто настоящий мореман! Всегда гладко выбритый, подтянутый, с какими-то немислимыми браслетами из слоновой кости на руках... До революции он служил в чине лейтенанта на «Андрее Первозванном». Потом перешел на сторону советской власти и дорос чуть ли не до адмирала. В 37-м его посадили, в сороковом выпустили, начал службу опять с лейтенанта. В Отечественную воевал на торпедных катерах и тральщиках, имел много орденов.

Так получалось, что я часто отпрашивался с его занятий, и он меня отпускал. Чувствуя его хорошее отношение, я никак не ожидал, что на втором курсе на экзамене по военно-морской подготовке он учинит мне форменную взбучку! Гаврила Александрович гонял меня самым беспощадным образом по всему материалу. Вопросы задавал по уставам, по неведомым мне особенностям устройства корабля, его вооружению... И если бы не Юра Орлов из нашей группы, который семь лет прослужил на Тихоокеанском флоте, я бы сразу «поплыл». Юра мне

кивал либо качал головой отрицательно, а я соответственно отвечал. Когда минут через тридцать экзекуция закончилась, с меня пот градом лился. И тут Румянцев объяснил, что, дескать, вы, Алфёров, постоянно с занятий отпрашивались, и я решил, что вы сачок. Но теперь вижу, что ваши знания действительно позволяли пропускать лекции, вы отличный знаток флотской жизни и т. д.

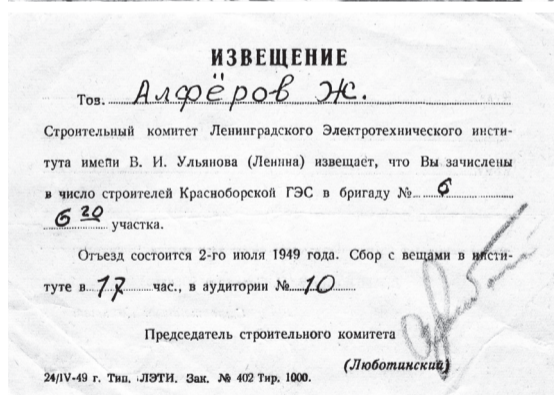
После этого случая его приязнь ко мне продолжалась все последующие годы. В период, когда мы уже выполняли дипломные работы, я однажды пришел на его лекцию всего на час, а в перерыве вернулся в лабораторию, где шел эксперимент. Один наш студент, Сева Амонтов, был в тот день дежурным по кафедре и перед началом второго часа доложил Румянцеву: «Товарищ капитан третьего ранга, курс к занятиям готов, а ваш любимчик Алфёров смылся». На что услышал в ответ: «Алфёров не смылся, а отпущен мною по уважительной причине. Что касается вас, Амонтов, в мое время таких, как вы, называли легавыми и устраивали им темную». Курс был в восторге.

Последняя, и весьма знаменательная, встреча с Гаврилой Александровичем произошла у меня в 1957 году. Я уже закончил ЛЭТИ и работал в Физтехе. Тогда была запущена

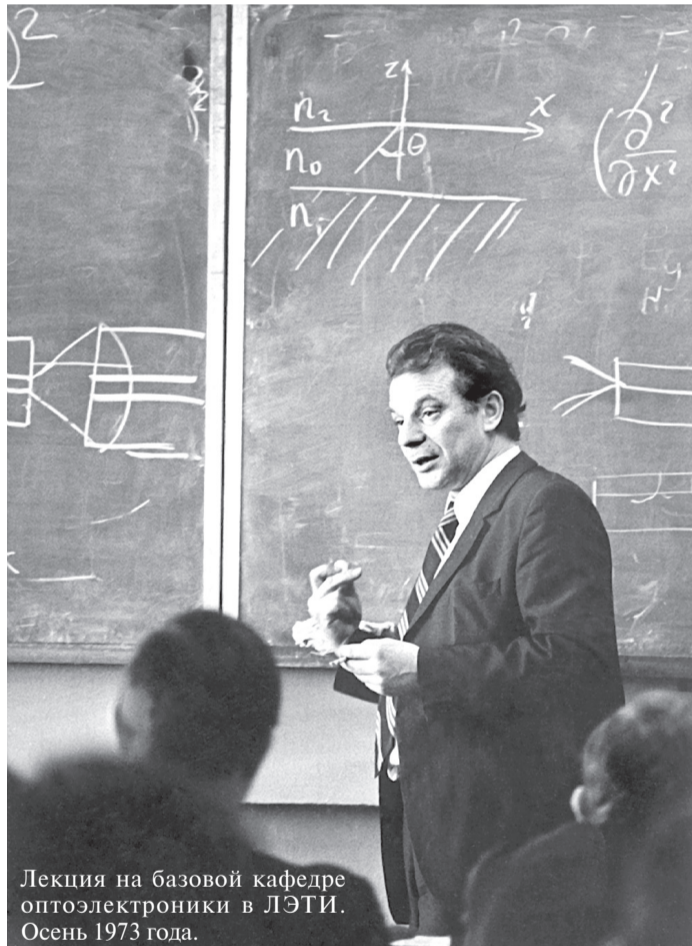
первая комсомольская денежно-вещевая лотерея, чтобы привлечь средства для проведения Международного фестиваля молодежи в Москве. Я еще с двумя молодыми сотрудниками по заданию нашего комитета комсомола должен был распространять ее билеты среди граждан Ленинграда. Институт выделил нам автомобиль, пикап «М-1». На нем мы установили проигрыватель и усилитель и поехали в рабочее время по рынкам города.

Был апрель, стояла противнейшая погода: снег с дождем, пасмурно, холодно. Начали мы со Светлановского рынка, переехали на Сытный и, уже изрядно продрогнув, перебрались на Андреевский. И вот возле Андреевского рынка я, в кепочке и пальто с поднятым воротником, под звуки популярных песен из проигрывателя зазываю прохожих: «Купите билеты! Купите билеты денежно-вещевой лотереи!» Неожиданно передо мной возникает фигура высокого мужчины. Поднимаю глаза — Гаврила Александрович Румянцев, капитан третьего ранга, мой любимый преподаватель военно-морского дела!

Он выразительно посмотрел на меня и сказал: «Алфёров, Алфёров... Я вам прочил блестящее будущее... А вы... — «Купите билеты»... Тьфу!». Сплюнул и пошел дальше.

Порядок есть порядок: на строительство Красноборской ГЭС студент ЛЭТИ Жорес Алфёров отправился «по повестке».

Лекция на базовой кафедре оптоэлектроники в ЛЭТИ. Осень 1973 года.

Благодарим Журналистский центр международного сообщества за предоставленное фото

Взрывоопасный случай

Ранней осенью 49-го года наш курс поехал строить Красноборскую ГЭС на речке Ашине в Оятском районе Ленинградской области. Только что возникшее студенческое строительное движение было тогда бескорыстным — ни зарплата, ни премий, все на чистом энтузиазме. Одной из главных задач на селе была электрификация, и мы помогали ее решать. Я попал в землекопы, нашу дружную бригаду из шести человек возглавлял студент-фронтвик, орденноносец Виктор Уланов.

Работали мы на деривационном канале, отводившем воду от плотины к турбине. Наверное, проект, созданный у нас же в институте, был не самым лучшим: мощность станции, если я правильно помню, составляла сто киловатт, а длина канала — два или три километра. Но расстояние нас не смущало, наоборот — было где развернуться.

Витя, наш бригадир, в войну старший лейтенант Красной Армии, командир бата-

реи противотанковых пушек, сдерживал наше рвение: «Спокойно, ребята. Я вам скажу, когда пойдём на рекорд».

Действительно, в один из вечеров Витя сказал: «Завтра». Опытный человек, он провёл разведку местности и точно вычислил момент, когда начнется песчанник. С вечера мы подготовили трапы и мостки для вывоза грунта. И на следующий день вшестером установили абсолютный рекорд стройки. Выдали девятьсот тачек — по сто пятьдесят на брата!

После чего нашу ставшую знаменитой бригаду перевели на подрывные работы. Теперь под руководством сотрудника Союзвзрывцентра мы копали шурфы, закладывали аммонал, поджигали бикфордов шнур и взрывали участки с многочисленными валунами, разбросанными по трассе канала. Естественно, у нас был особый график: в целях безопасности работали по ночам, днем спали, отдыхали, иногда наве-

дывались на окрестные озера с имевшейся у нас взрывчаткой — каюсь, глушили рыбу.

Для меня эта взрывная романтика чуть не закончилась печально. Однажды, после того как мы подожгли бикфордов шнур, взрыв не последовал. Оставлять шурф в таком состоянии нельзя — может рвануть потом. Мы посоветовались с инструктором и решили: начнем понемногу раскапывать шурф, вероятно, шнур погнулся, а тут выпрямится и пойдет тлеть дальше. Но, чтобы свести риск к минимуму, копаем поодиночке, остальные прячутся, меняемся каждые 10 минут. По крайней мере, если рванет, пострадает один человек — ну, контузит его, а может, обойдется — хотелось верить в лучшее. И раскопать злополучный шнур выпало мне! Он погас в 30–40 сантиметрах до места заложения взрывчатки. Мы его выдернули, до конца раскопали шурф, снова уложили шнур, подожгли, разбежались — и взорвали нормально.

До сих пор помню свои ощущения. Не скажу, что вся моя 19-летняя жизнь пронеслась перед глазами, но боязно было очень — а копать надо.